

УДК 101

О. А. Останина

ПРЕВРАЩЁННЫЕ ФОРМЫ СОЗНАНИЯ И НАРРАТИВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье рассматривается отношение нарратива, превращенных форм сознания и объективности исторического знания. Проблема заключается в том, что есть определенное противоречие между нарративной формой исторического знания и познавательным идеалом объективности. Существуют практические и теоретические подходы к критике нарратива. Но эта критика не может уничтожить нарратив, более того, она ведется с использованием элементов нарратива. Применение понятия «превращенная форма сознания» в контексте исторического познания позволяет раскрыть основания объективности нарратива и его познавательный статус, границы и возможности. Нарратив обеспечивает целостность, связность разрозненных фактов, событий. Исследование превращенных форм сознания, представленных в нарративе, делает анализ его содержания более глубоким и адекватным той действительности, которую он описывает.

Ключевые слова: историческое познание, нарратив, объективность, превращенная форма сознания.

Вопрос об объективности исторического знания является одним из наиболее сложных вопросов для эпистемологии, что объясняется спецификой процесса исторического познания и той ролью, которую играет история как наука в жизни общества, в формировании его идеологии. Достаточно сказать, что среди философов и историков нет согласия по вопросу о понимании и содержании объективности [см.: 1, с. 80-82]. Объективность, во-первых, оказывается «разной» в зависимости от понимания природы и сущности интересующей нас науки. Так, историю можно рассматривать как реально происходивший во времени и пространстве процесс и как видение, переживание этого процесса его участниками. Ф. Р. Анкерсмит говорит о

двойственности исторического опыта – это опыт собственно исторического участия и опыт переживания истории, причем не только ее непосредственными участниками и свидетелями, но и теми, для кого эта история – их прошлое, важное для понимания настоящего и определения будущего [2]. Во-вторых, объективность имеет особенности на разных структурных уровнях знания – эмпирическом и теоретическом. В-третьих, она зависит и от конкретного контекста, ситуации познания или применения знания. Нас могут интересовать макроисторические закономерности или процессы, протекающие на микроуровне, роль сознания, ментальности в конкретном событии или его социально-экономическая обусловленность.

Одной из особенностей исторического знания является его нарративность, которая и ставит под сомнение его объективность. Для обоснования познавательного статуса нарратива методологически уместно, на наш взгляд, обратиться к понятию «превращенная форма сознания».

Понятие превращенной формы было введено К. Марксом для характеристики структуры и способа функционирования сложных систем связей и применено им для исследования и анализа общественного сознания (идеологии) и особенностей способа производства 40-70-х годов XIX века. Суть процесса заключается в том, что на определенном уровне сложной системы происходит превращение ее внутренних отношений; оно [превращение] скрывает действительный характер данных отношений и представлено в косвенных выражениях. Эти косвенные выражения «самостоятельно бытийствуют» в системе в виде отдельного, качественно цельного явления, «предмета» наряду с другими.

Говоря о методологическом значении понятия «превращенная форма», М. К. Мамардашвили верно обращает внимание на то, что «в социально-исторических исследованиях понятие превращенной формы позволяет выявить социально-исторические закономерности в максимально приближенном к действительности виде» [3, с. 261]. Это одна сторона рассмотрения вопроса.

Другая сторона состоит в том, что превращенная форма, будучи воспроизведением предмета в виде представления о нем, его интерпретацией, является в исторической действительности «реальной силой, частью самого исторического движения» [см.: 3, с. 261]. Обе стороны взаимосвязаны именно в нарративе, который выступает и одной из форм исторического бытия, и одной из форм исторического познания. Имеет место соизмеримость действия наблюдения и действия содержания, то есть система включает в себя наблюдателя-субъекта; в историческом познании его субъект – сам участник исторического процесса, его видение событий, представление событий оказывается «фактором» исторического действия. Оно и воспроизведено в нарративе, порождая «парадоксы в интерпретации наблюдений», «видимые эффекты и кажущиеся зависимости системы» [см.: 3, с. 249].

Под нарративом понимается повествование, «рассказывание». Как известно, историческая наука в ее современном понимании оформляется, конституируется во второй половине XIX века. До этого она чаще рассматривалась как особый род литературного творчества, и к ней предъявлялись соответствующие требования. Хотя еще Аристотель говорил о необходимости различения рассказа и истории: в первом есть вымысел, а вторая имеет дело с тем, что было в прошлом, то есть с событиями (фактами). «Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), – нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном» [4, с. 655]. Не во всем можно согласиться с великим философом в понимании истории, которую вряд ли удовлетворяет роль только «регистратора» событий, в которых она стремится видеть значение и смысл. Получается, что обращение к нарративу не уводит историю в сторону вымысла, а ведет ее к обнаружению общего в единичном, к «философичности».

Почти полтора столетия идет перманентная дискуссия о статусе исторического научного знания, о ремесле историка, о преодолении, говоря словами П. Рикера, эпистемологического разрыва, возникающего между историями, которые рассказывают (stories), и историей, которую выстраивают по следам документов (history). Одним из вопросов названной дискуссии и является вопрос о нарративе, имеющий различные решения. Причем данный вопрос прямо и косвенно касается других принципиальных эпистемологических вопросов: о сущности познания и его моделях, о субъекте познания, об истине и других.

Немало философов не только положительно отвечают на вопрос о познавательном значении нарратива, но и распространяют это значение на все знание и познание, и гуманитарное, и естественнонаучное. Такая позиция характерна для постмодернистов (Ж. Деррида, Ж. Делез); положительная оценка нарратива присутствует в работах Ф. Р. Анкерсмита, П. Рикера, Х. Уайта. Такое доверие нарративу основано на признании соответствия текста (рассказа, повествования) эмпирической реальности, соответствия концептуальных схем текста концептуальным схемам реально живших или живущих людей. К данному моменту мы еще вернемся ниже. Здесь заметим, что постулирование доверия нарративу – одни из показателей переосмысления критериев научного знания, научной рациональности.

Однако существенно больше среди философов тех, кто, как отмечалось выше, ставит под сомнение познавательную ценность нарратива, полагая, что «истина нарратива всегда должна быть подтверждена свидетельством, внешним по отношению к нему» [5, с. 171]. Связность рассказа, его непротиворечивость еще не доказывают его объективность. (Возможна аналогия с показаниями свидетелей и подозреваемых: убедительность, «складность» их рассказа может как раз скрывать действительность, формировать ложное знание о реальном положении дел и т. п.).

А. Мегилл называет практические и теоретические опасности для нарратива [5, с. 179]. К практическим опасностям относятся технологии и бюрократия. Так, современные технологии кардинально меняют способ передачи информации внутри сообществ, делают информацию бесконечно воспроизводимой. Возрастает объем сохраненной информации, что делает проблематичным ее преобразование в связную форму нарратива.

Бюрократия же наносит удар по нарративу своей приверженностью универсальным процедурным правилам, которые сводят на «нет» попытки индивида или группы объяснить, изложить свою позицию через рассказ. Например, есть установленная форма отчета по научной деятельности, заполнение которой позволяет оценить работу преподавателя, кафедры вуза, попытка «рассказать» о своей научной работе не играет роли. Или, другой пример – оценка знаний обучающихся по выполнению тестовых заданий, составленных по определенным правилам, а не по текстовой деятельности студентов и школьников.

Теоретическая критика нарратива проявляется в разных формах. Одна из них представлена сциентистской установкой позитивизма, где «акцент на потребности в универсальных законах и теориях и на их важность ведет к декларированию отказа от нарратива» [5, с. 181]; утверждается, что научную рациональность характеризует язык закона и теории.

Другая форма критики нарратива представлена концепциями дисконтинуитета, направленными против континуальной (непрерывной) истории. Так, М. Фуко отрицает идею непрерывности истории науки, говоря о внезапной смене эпистем, дискурсивных практик; на этом же основании он полагает необходимым элиминировать субъекта из истории, поскольку признание субъекта, истории субъекта – это признание континуальности. М. Фуко, как мы знаем, утверждает идею тотальной истории в противовес идее глобальной истории. Глобальная история сосредоточена вокруг одного центра, принципа, начала, основы, идеи (человек, преследующий свои цели; мировой

разум и т.д.), поэтому предполагает как бы их вечность, непрерывность, своего рода диктат. Критика нарратива, таким образом, увязывается с социально-политической критикой. Но эта критика нарратива, представленная разными формами, никак не означает его аннигиляцию, прежде всего потому, что она [критика] ведется с применением хотя бы элементов нарратива. Бюрократические правила рассказываются, разъясняются; данные компьютерных баз обобщаются; понятия в научных законах связываются друг с другом; обоснование дисконтинуальности осуществляется в форме нарратива, и в дискурсивных практиках присутствует нарратив.

Как говорит А. Мегилл, «нарратив всегда возвращается», и это повторное возвращение «позволяет предположить наличие у него особой силы в качестве способа организации нашего восприятия мира» [5, с. 185]. Таким образом, можно сказать об антрополого-онтологической предпосылке нарратива, «нарратив глубоко связан с теми процессами, с помощью которых индивидуумы и их группы придают смысл самим себе и даже определяют себя» [5, с. 188].

В историческом исследовании роль нарратива многопланова. В нарратив втягиваются факты, которые определенным образом связываются между собой: интрига нарратива выступает «как литературная форма координации связи разнообразных элементов» [6, с. 338]. Нарратив интегрирует события и структуру, отношения, связи. Причем, как справедливо обращает внимание П. Рикер, в историческом знании присутствует и каузальная связь и нарративная (повествовательная); точнее, каузальные связи также раскрываются через нарратив, что можно рассмотреть как основание для взаимосвязи объяснения, описания и понимания. Это, говоря словами М. К. Мамардашвили, «обобщенная каузальность особого рода детерминизма – превращенности действия (или «превращенной формы»)» [3, с. 245]. Речь идет об изменении концептуального аппарата гуманитарных наук путем конструирования в них специального оператора, «обозначающего особую

онтологическую реальность – превращенные объекты, или «превращенные формы», - и вводящего эти объекты в число объектов всякой теории, относящейся к человеческой реальности» [3, с. 245]. Превращенные формы, выраженные в нарративе, обеспечивают стабильность системы и противодействуют ее изменению, «тенденция к системам ткет мистическое покрывало всего общественного процесса жизни» [3, с. 252], в который включено и ее познание.

Сказанное выше констатирует своеобразную неизбежность нарратива, и нас интересует, как он соотносится с объективностью исторического знания. Заметим, что объективность никак не тождественна наибольшей полноте представления: онтологические, аксиологические, праксеологические, экзистенциальные аспекты объективности определяют, влияют на отбор фактов; факты оказываются существенно значимыми в силу названных аспектов. Позиция исследователя, так или иначе, предполагает рефлексивное обоснование, разумные основания с учетом объективных интересов, потребностей. Факты указывают именно на объект и являются фундаментальными, обобщенными, синтетическими, в том числе, благодаря концептуальным доказательствам. А концептуальные доказательства выражаются как раз в нарративе. Хотя, конечно, и субъективизм, и искажения не могут быть исключены в ходе исследования, характеризующегося многосторонностью и многоаспектностью.

Специфика объективности исторического знания обусловлена и ролью субъекта познания, понимаемого как единство эмпирического и трансцендентального субъекта. Такое понимание субъекта позволяет раскрыть и обосновать познавательный статус нарратива. Когда речь идет о субъекте, то нужно иметь в виду не только его особенности и способности к восприятию, структурированию и конструированию мира в идеальных формах, но и его установку на объективность и истинность, он, как правило, не ставит специально цель обмануть, ввести в заблуждение. Другое дело, что существуют

особенности проявления и защиты объективно возникших социальных интересов, приводящие к «иллюзорному сознанию». Можно привести пример с идеологией как превращенной формой сознания и ее характерной чертой считать защищаемые ей ценности и понятия единственно верными, объективными, хотя это, может быть, и не так. Также хорошо известно, отстраненность во времени ослабляет остроту социально-политической борьбы и ангажированности знания, и степень возможного искажения действительности у непосредственных участников событий выше; к этому нужно прибавить, что психологически человеку свойственно воспринимать именно себя в центре происходящего события. Более того, в силу сложности и многоуровневости социально-исторического бытия нередко имеет место и искажение собственных социальных интересов, их подмена интересами иных социальных групп и сил. С субъектом связаны коммуникативные аспекты исторического знания и познания, присутствие Другого, обращение в репрезентации знания к Другому, что объясняет наличие элементов нарратива не только в социально-гуманитарном знании, но и в знании естественнонаучном.

Поскольку само понятие «нарратив» отсылает нас к тексту, текстологии, мы можем предположить, что трактовка истории (и знания, и процесса) как текста позволит подойти к раскрытию и обоснованию объективности исторического знания еще с одной стороны. Такой шаг сделает возможным взаимодействие герменевтического, феноменологического, семиотического и аналитического подходов, а также объяснения и понимания.

Действие, событие понимаются как текст, состоящий из разноуровневых семиотических систем, доступный интерпретации. Существуют определенные закономерности, общие для построения текста и социального действия: Г. Зиммель называет их «законы жизни», О. Шпенглер – «морфология культуры», П. Рикер – «парадигмы интригообразования». Данные закономерности возникают в результате закрепления освоенных форм сознания

и культуры. А текст репрезентирует знание, то есть в нем, как и в знании, выражаются «законы, формы жизни». Речь идет о фундаментальных основаниях культуры и разума, определяющую роль в которых играют временные структуры, раскрываемые в процессе применения метода феноменологической редукции, семиотического метода, интерпретации. Действительно, обращает на себя внимание поразительное единство и адекватность уровней и форм социально-исторического бытия, как с точки зрения их содержания, так и с точки зрения их структуры, проявляющие в конкретный исторический период. Так, и в наше время мы наблюдаем тождественность процессов и в экономике, и в образовании, и в политике, и в духовной культуре, и в познании – та же «виртуализация» бытия, «симулякризация», размытость ценностей и смыслов, бюрократизация, формализм, утилитаризм и т.д. Вопрос о корреляции форм исторического бытия и форм мышления, концептуальных схем разрабатывался и разрабатывается и такими направлениями, как социология знания, социальная эпистемология, аналитическая философия. Применение понятия превращенной формы также дает ключ к пониманию такой корреляции, изоморфизма. «Это понятие позволяет вывести духовные, идеологические образования из их материально-социальной основы (а не сводить к ней, предполагая зеркальное отображение общественных структур...), выявить постоянно меняющиеся отношения между автоматическим и сознательным в общественном поведении и действии, проникнуть в особенности функционирования личностных структур» [3, с. 259]. Причем важно обратить внимание, что условия, определяющие содержание сознания людей, вовсе не обязательно ими осознаются, отсюда – «загадочность» поступков людей, изоморфизма форм культуры. О нарративе, поэтому, можно говорить не только в связи с репрезентацией исторического знания, но и в связи с исследованием его как источника исторического знания, знания об истории интеллектуальной жизни, ментальностей. Речь идет о том, что изучение повествований, художественных

произведений дает, помимо некоторого фактологического материала, знание о формах и схемах мыслительной деятельности, способах восприятия, структурирования и конструирования мира.

Как уже говорилось выше, объективность исторического знания достигается через интерпретацию. Верификация и фальсификация оказываются недостаточными и ограниченными в своем применении, поскольку историческая реконструкция и понимание субъектов значимы в историческом исследовании, где осуществляется, по сути, «распредмечивание превращенных форм». Само свидетельство о событии уже включает в себя интерпретацию. Различные типы интерпретации имеют рациональное обоснование (это ни в коем случае не «вчувствование»), и интерпретация дополняется, корректируется другими методами, процедурами познания, в том числе логическими, математическими и естественнонаучными. Используются семиотические методы, выявляющие устойчивость структур в знаковых системах. Заметим также, что текст уже достаточно давно исследуется не только в социально-гуманитарных науках, но и в математике, информатике и компьютерных науках (в технических вузах, например, есть кафедры концептуального анализа текста). То есть нарратив – это объект междисциплинарных исследований, что как раз важно для обоснования объективности исторического знания. Логической формой научного, в том числе исторического, знания является понятие, выражающее, с одной стороны, особенные, а с другой – типические (или общие) черты, признаки исследуемых явлений. Существует корреляция понятия и действительности. Понятия в процессе репрезентации знания оказываются определенным образом связанными друг с другом, что обеспечивается именно нарративом или его элементами.

Далее, хотелось бы обратить внимание на то, что историческое знание не может быть ценностно-нейтральным (как, впрочем, и естественнонаучное, что подтверждено многими отечественными и зарубежными исследователями). Но

сами ценности, значения и смыслы формируются в процессе объективного социального взаимодействия, в ходе которого устанавливаются определенные отношения к вещам, доминанты культуры, стандарты рациональности, дискурсы. Выяснение ценностного содержания нарратива также обнаруживает его объективное содержание (эта черта исторического познания была раскрыта еще неокантианцами и М. Вебером, обосновавшими метод отнесения к ценности как гарантирующей объективность исторического знания).

Дискурсы, представленные в нарративе, укоренены в естественном языке, на котором основана коммуникация. На языке базируется принятие норм, в том числе норм и принципов познавательной деятельности. Через репрезентацию знания и закрепление его объективных смыслов (так как они включены в социальное взаимодействие) в языке осуществляется связь, диалог между субъектом и объектом исторического познания. Любая коммуникация, опосредованная языком, предполагает интерсубъективность, объективность межличностной установки («язык не принадлежит одному») и, соответственно, объективность понимания.

Наконец, еще раз заметим, что объективность основана на взаимосвязи каузальности и понимания, объяснения, описания и понимания как способов репрезентации исторического знания. Специфика объективности социально-гуманитарного знания, исторического в том числе, заключается в ее историчности, что адекватно самой реальности и не исключает ее фундаментальных оснований, доминант, обусловленных антропологически и социально-онтологически; нет «эталона» объективности, ее понимание оказывается диалектичным. Рассмотрение взаимосвязи нарратива и превращенных форм в контексте исторического познания, как нам представляется, требует комплексного, междисциплинарного подхода.

В заключение подчеркнем методологическое значение понятия «превращенная форма» для исторического познания. Во-первых, расширяется и углубляется наше понимание каузальности, отношений детерминации; во-

вторых, выясняются онтологические основания взаимодополнения герменевтического, феноменологического и семиотического подходов в историческом познании; в-третьих, раскрывается содержание постнеклассической рациональности в контексте исторического познания; в-четвертых, открываются новые возможности для исследования исторического сознания.

Список литературы

1. *Останина О. А.* Объективность социально-гуманитарного знания // *Философия. Культура. Жизнь: Межвузовский сборник научных трудов.* – Выпуск 37. Днепропетровск, 2012. С. 80-85.
2. *Анкерсмит Ф. Р.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007. 608 с.
3. *Мамардашвили М. К.* Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // *Формы и содержание мышления.* СПб., 2011. С. 243–262.
4. *Аристотель.* Поэтика // *Соч. в 4 томах.* Т. 4. М., 1984. С. 645–680.
5. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2009. 480 с.
6. *Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.

ОСТАНИНА Ольга Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: oa.ostanina@yandex.ru